

УДК 94(47)17/18 (Шереметев Б.П.)
ББК 63.3(2)51

В.П. Столбов
*кандидат экономических наук, профессор,
Ивановский государственный
химико-технологический университет*

ВОТЧИННЫЕ КРЕСТЬЯНЕ РОДА ШЕРЕМЕТЕВЫХ

История российского крестьянства привлекает внимание ученых различных областей научного знания. Положение вотчинных крестьян в дворянских имениях знаменитых русских родов зачастую оценивалось только в плоскости их крепостного состояния. Анализ положения крестьян Шереметевских вотчин демонстрирует неоднозначность этой проблемы. Нередко в вотчинах этого знаменитого русского рода встречались крестьяне двойной подчиненности «крепостные крепостных крестьян» и «крестьяне-фабриканты». Владельцы вотчин улавливали прогрессивные тенденции экономического развития и способствовали развитию такого слоя в крестьянском сословии.

Ключевые слова: вотчинные крепостные крестьяне Шереметевых, «капиталистые» крестьяне, вотчинное управление, торгово-промышленная деятельность крестьян.

V.P. Stolbov
*PhD in Economics, Professor
Ivanovo State Chemical and Technological University*

MANORIAL PEASANTS OF THE SHEREMETEV FAMILY

The history of the Russian peasantry attracts attention of researchers from various fields of scientific study. Life of the manorial peasants of the famous Russian families has often been described only in terms of their serfdom. The analysis of the life of manorial peasants of the Sheremetev family shows that the problem is not so simple. There were quite many peasants of dual subordination: «serfs of serfs» and «peasants-manufacturers». The owners of the manorial estates set progressive trends of the economic development and contributed to the development of such types of peasantry.

Key words: manorial peasants of the Sheremetev family, «well-to-do» peasants, manorial administration, trade and production activities of peasants.

*Будь верен преданиям рода нашего
Шереметевых, служивших независимо и
честно Родине и дорогому нашему кре-
стьянству; носителю смиренному исконных
наших заветов. Избави Бог тебя от суетно-
сти и гордыни.*

**Из Духовного завещания
С.Д. Шереметева к сыну**

Крестьянство как научная проблема в историко-экономической мысли привлекает в настоящее время внимание исследователей различных областей научного знания, сложились школы крестьяноведения, публикуются научные труды, проводятся конференции, на которых уточняются многие факты состояния этой значимой в истории социальной группы. Научной общественности известны исследования многих ученых в этой области: Т. Шанина, П. Муни, П.А. Сорокина, Ф. Броделя. В российской историко-экономической и социальной мысли известны фундаментальные труды М.М. Ковалевского, Н.П. Павлова-Сильванского, М.И. Туган-Барановского, В.И. Ульянова (Ленина), А.В. Чаянова, Н.Д. Кондратьева, а также исследования современных ученых.

В истории крестьянства большое место занимают исследования положения вотчинных крестьян, особенно в тех дворянских имениях, история жизни владельцев которых тесно переплеталась с историей страны. В этой связи было бы уместным проследить историю крестьянства в вотчинах Шереметевых (село Иваново являлось одной из вотчин Шереметевых), значимость этого древнего рода четко прослеживается в связи с оценкой их вклада в политическую, экономическую и культурную жизнь России. История рода Шереметевых — это история собирания ими земель, совершенствования взаимоотношений с крестьянами и улавливание ими тенденций прогресса в социально-экономической жизни, обуславливающих развитие русского предпринимательства и экономики страны в целом.

Собирание земель семейством Шереметевых, исходя из данных документов, началось с 1686 года, когда царевна Софья «за ратоборство и храбрость» пожаловала Бориса Петровича Шере-

метева землями с крестьянами, а Молотолудское поместье было пожаловано ему в вотчину (неотторгаемый феодал). Позднее при Петре I за участие в Северной войне Б.П. Шереметев был пожалован «землями с крестьянами» из дворцовых волостей, например, Юхотская волость с селом Вошажниково. Главное богатство Б.П. Шереметева составляли вотчины, к концу XVII в. он владел 2910 дворами. Однако он нередко жаловался на то, что живет нищенски. Так в письме канцлеру Ф. Головину он писал: «Теперь и о себе милости прошу — дайте мне, чем жить. А если не дадите со удовольствием, ей, пойду по нищетцки», и далее «...подай мне помощи о жалованье, не знаю, в чем прослужился, что в том имею обиду. Пью и ем хотя и все государево, а на иждивение домовое взять негде». Реально же фельдмаршал Шереметев владел 19 вотчинами, в них было 6 282 двора, населенных 18 031 душами мужского пола, с которых он получал только денежного оброка около 11 тыс. р. в год. Если прибавить к этому натуральный оброк, а также барщинные повинности, то общий доход Б.П. Шереметева с вотчин составлял не менее 15 тыс. р. в год. Сам фельдмаршал получал самое высокое жалование в стране — свыше 7 тысяч рублей в год. После Полтавской виктории фельдмаршал Б.П. Шереметев был пожалован рядом деревень и пустошей. Однако он проявил завидную настойчивость в приобретении и других земель, это видно из писем Петру I «...не за услуги мои, но из милости вашей пожаловать пустошью Черные Грязи, домом в Риге и староством Пибалг в Лифляндии».

Крестьяне не раз жаловались Б.П. Шереметеву на свое трудное положение, на что фельдмаршал отвечал, что если он предоставит им просимую льготу, то сам будет «скитаться по миру». Вотчинным крестьянам запрещалось обращаться к Шереметеву с жалобами, ослушников должны наказывать «жестоким наказанием». Фельдмаршал Б.П. Шереметев велел приказчику одной из своих вотчин: «...крестьянам на мирском сходе учинить жестокое наказание, для чего они, не являясь к тебе, из вотчин уезжают и оставляют тяглы свои впусе».

После смерти фельдмаршала Б.П. Шереметева в 1719 г. его сын Петр Борисович с 17 лет (1730) продолжил дело отца соби-

рания земель, но уже «не боевыми заслугами», а в результате удачной женитьбы в 1743 г. на Варваре Алексеевне Черкасской, принесшей в качестве приданного 26 вотчин с землями и крестьянами. В Атласе дач Шереметевых за 1799–1800 гг. в 15 губерниях в собственности Шереметевых было сосредоточено 650 тыс. дес. земли (по некоторым данным около 1 млн дес. земли). В XIX в. по данным Приложения к трудам редакционной комиссии в 17 губерниях и 36 уездах во владении Шереметевых находилось 714 тыс. дес. земли, в том числе, в пользовании крестьянами — 452 тыс. дес.

Вместе с землями у Шереметевых увеличивалось количество крестьянских хозяйств. Так, у Б.П. Шереметева в 19 вотчинах находилось 6,3 тыс. дворов с 18 тыс. крепостных людей мужского пола, а всего он имел 40 тыс. крепостных душ и 2 тыс. десятин земли. П.Б. Шереметев, получив к 19 имениям еще 26 вотчин (среди них и село Иваново), увеличил численность крепостных еще на 42,6 тыс. душ. В 1765 г. во всех вотчинах Шереметевых, полученных в наследство и в качестве приданного, а также приобретенных, насчитывалось 170 тыс. крепостных и 66 тыс. десятин земли. В 1787 г. в вотчинах Шереметевых в 17 губерниях, 62 уездах, 103 селах, 1066 деревнях, 26 слободах, 166 хуторах, 298 пустошах уже насчитывалось 185 тыс. крепостных душ и 990 тыс. дес. земли. Только в селе Иваново с деревнями сосредотачивалось около 8 тыс. крепостных крестьян. Род Шереметевых был одним из самых крупных собственников земли и крепостных крестьян в Великороссии, уступая лишь Строгановым, имевшим 1 400 тыс. дес. земли.

Шереметевы увеличивали количество крепостных в своих вотчинах как за счет присоединения новых земель, покупкой земель вместе с крестьянами, так и приобретением отдельных крестьян (в большей степени это были мастеровые люди). По данным историка Семейского, сделка на покупку одного крестьянина или дворового человека обходилась Шереметевым в 120 р. серебром. В 1837 г. Д.Н. Шереметевым была выдана доверенность на покупку крестьянами крестьян Юхотской волости. Практика такого пополнения земель и крестьянами за счет зажиточных крестьян в Шереметевских вотчинах осу-

ществовалась с записью на имя Шереметевых еще в XVIII в. Таким образом, с 1770 по 1830 г. в 13 вотчинах было приобретено 32,7 тыс. дес. земли, в том числе в ивановской вотчине 11 931 дес. земли. Только у Е. Грачева перед освобождением с сыном в 1795 г. на имя Шереметевых было записано 3 тыс. дес. земли, 40 пустошей, 881 душ мужского и 2 тыс. душ женского пола, все это перешло в собственность вотчины при выходе Грачевых на волю. По данным шуйского предводителя дворянства таких купленных крестьян насчитывалось около 88,5 тыс. душ, в том числе, в селе Иваново с деревнями около 9 тыс. чел. Численность крестьян прирастала как вследствие передачи по наследству родственниками семьи Шереметевых (так, Петр Шереметев от умершего брата Сергея в 1768 г. наследовал около 5 тыс. чел.), так и кончины «капиталистских» крестьян (после смерти Никифора Сеземова и его жены в 1791 г. в собственность Шереметевым перешли 429 душ в Галичской провинции, Костромской губернии).

Увеличение крестьян в Шереметевских вотчинах происходило и за счет Генеральных межований спорных территорий (во второй половине XVIII в., таким образом, было присоединено около 30 тыс. душ крепостных крестьян). По данным Экономических примечаний к Генеральному межованию 1766–1767 гг., а также документам середины XIX в. (Приложений к «Положению о крестьянах» 1861 г.) в Московской губернии эта семья уступала лишь А. Орлову, а в великорусских губерниях превосходила Разумовских, Орловых, Голицыных. Нарышкиных, Потемкина, Ланского, Бутурлина, Репнина и многие другие именитые в России фамилии.

К началу Великой реформы 1861 г., по данным Приложения к трудам редакционных комиссий о «Положении крестьян вышедших из крепостной зависимости» в Шереметевских вотчинах насчитывалось около 450 тыс. крестьян мужского и женского пола. Следует также оговориться и о том, что вследствие формирования матримониальных связей из семьи Шереметевых «уходили» земли с крестьянами. Так, вследствие брака В. Шереметевой с Разумовским ей было передано в качестве приданного более 12 тыс. крепостных крестьян.

В связи с современным осмыслением отечественной истории необходимо снять миф о жестокости Шереметевых по отношению к крестьянам. История России до реформы 1861 г. полна примеров жестоких форм обращения с крестьянами некоторых «самодуров-помещиков», типа Салтычихи или бабки писателя И.С. Тургенева. Однако это вряд ли стоит относить к роду Шереметевых, хотя не надо исключать и того факта, что Б.П. Шереметев нередко в своих письмах или распоряжениях требовал беспрекословного повиновения со стороны управляющих и крестьян, подписывая свои распоряжения жесткой фразой: «Рука моя» или «Рука моя властная».

Род Шереметевых на протяжении своей истории, по выражению историка К. Шепетова, «вглядывался и вслушивался в крепостную деревню». В жизни этого рода выдерживался принцип «беречь крестьян, — это сила России», который передавался из семьи в семью. Этот принцип реализовывался в стремлении улучшить и облегчить жизнь крестьян, развить в русском народе корни национальной, народной культуры, развить предпринимательскую жилку в отдельных смекалистых крестьянах. Однако вряд ли Шереметевы были альтруистами в крестьянском вопросе, они понимали (особенно это проявилось в выкупе крестьян), что крестьяне своей деятельностью, особенно «капиталистый» их тип, представляли своей деятельностью определенный процесс самовозрастания капитала, то есть были сильным источником его накопления. И вся суть заключается в том, что эти капиталы не были вывезены за границу и не промотаны, как нередко это было в других известных стране дворянских фамилиях, они стали основой историко-культурных центров России. Дворцы — усадьбы Шереметевых Кусково, Останкино, Фонтанный дом в Петербурге, Остафьево, Воронов, Голубой дворец в Москве — все это не только памятники той далекой эпохи, но и памятники рода Шереметевых.

В Шереметевских вотчинах складывался особый уклад бытовой жизни крестьян. Так, академики Кеппен и Энгельгардт, побывавшие в 30–40-е гг. XIX в. в селах-вотчинах Иванове, Павлове и Ворсме, отмечали, что предприниматели и мастера-

вые люди жили в домах каменных с железными крышами. По замечаниям других наблюдателей бытовой жизни шереметевских крестьян в Пензенской губернии, сохранились замечания следующего содержания, «они жили в домах под железными крышами, в их семьях выписывались труды Карамзина». Отчет с выставки домашних животных в Серпуховском уезде показывал, что в вотчинах крестьяне внедряли новые агротехнические приемы и зоотехнические нормы, которые способствовали повышению продуктивности сельского хозяйства.

Накануне реформы, в 1840 г. в вотчине Шереметевых в селе Поим побывал немецкий ученый барон А. Гакстгаузен. Он интересовался крестьянским вопросом и вел дневниковые записи своих разговоров с Поимскими крестьянами. Свои заметки он отразил в книге «Исследование русской жизни, в особенности сельских учреждений России». Во время путешествия ученого в селе Поим проживало до 10 тыс. жителей, функционировали 2 церкви, волостное правление, школа, богадельня и немало промышленных заведений: синильни, поташные заведения, воскобойни, много кожевенных заводов, маслобоен, кирпичных заводов, еженедельные базары и 3 ярмарки. Самые лучшие базары в Пензенской губернии считались Поимские и бывали они еженедельно по субботам, а по пятницам бывали так называемые подторжье. Главные предметы торговли: хлеба, кожевенный товар и железо. Количество продаваемого на Поимских базарах хлеба достигало ежегодно до 25 тыс. четвертей ржи и до 10 тыс. пудов муки. На базаре продавались также и в довольно обширных размерах и другие хлеба: овес, гречиха, льняное и конопляное семя и пшено. Вся торговля этого базара приносила до 58 783 р. в год».

Иностранца ученого Гакстгаузена удивили «целые улицы» отличных больших каменных домов, среди них — двухэтажные дома с колоннами и балконами, крытые железом. Еще больше поразило путешественника то, что среди крестьян села Поим были люди с миллионным состоянием и очень немногие крестьяне хотели получить вольную, но таковы были и они способны были заплатить за свое освобождение от 80 тыс. до 1 млн р. Еще он отмечал то, что в числе подписчиков на

«Историю государства Российского» Н.М. Карамзина было много поимских крестьян. Интересно, что об этом писал сам автор «Истории»: «В числе подписчиков на “Историю” много шереметевских крестьян, среди которых хорошо образованные люди, очень много читающие и любители театра, и даже стихотворцы».

Богатые крестьяне не чурались и традиционных форм благотворительности. Примером могли служить сами Шереметевы, которые тратили большую часть своих капиталов на это благородное дело. Например, шереметевский крестьянин-откупщик миллионер Сеземов пожертвовал 20 тыс. р. на московский воспитательный дом, а на средства крестьянина Вырыпаева была построена церковь. На средства графов Шереметевых и их крестьян построены храмы в селе Поим (Пензенская губерния).

Вместе с тем, следует отметить, что взаимоотношения между крестьянским миром и Шереметевыми строились исходя из представлений того времени, состояния права дворянина собственника земли, дворянина-администратора. Механизм взаимоотношений выстраивался традиционно для того времени. Центром управления в вотчинах было вотчинное правление, во главе которого стоял приказчик, если он назначался из дворовых людей, или управляющий, если он назначался из вольных людей. В некоторых вотчинах обязанности приказчика несли выборные крестьяне, выбиравшиеся на сходе.

В 1765 г. из 50 отдельных владений Шереметева приказчики были в 28 вотчинах. Вотчиноначальник, стоявший во главе вотчины, осуществлял всю полноту власти, данную ему помещиком, при помощи выборных должностных лиц: выборных старост, сборщиков, старшин, земских, сотских, пятидесятников, десятских и пр. Регламент деятельности вотчинной конторы определялся Инструкциями о 20 пунктах, в которых оговаривались обязанности приказчика или управляющего. В них содержались вопросы судебного характера (творить суд и расправу), обеспечивать сбор с крестьян, как «государевых», так и хозяйских оброков. Мирские расходы: содержание управленческого аппарата ложилось на плечи крестьян, кото-

рые помимо государственного и помещичьего оброка, должны были содержать вотчинную администрацию, оплачивать все расходы, связанные с делами и повинностями, относящиеся к населению вотчин, по сдаче рекрутов и т.д. Не менее важными обязанностями приказчика были: следить за правильным распределением тягла среди крестьян, за тем, чтобы «по окладной книге оброчных денег не опускать и прибыль показывать, за тем, чтобы сев и уборка были в «угодные дни» и т.д.» В этой инструкции был и такой пункт: «Суд и расправу приказчик должен был чинить в приказной избе, а не в доме... и должен был записывать, кто за что будет наказан... Всякие вершенные дела должны быть помесечно закреплены, но самому приказчику не верить». Этот пункт инструкции не случаен. Вотчиноначальники, пользуясь полнотой власти, подвергали крестьян всевозможным наказаниям, допускали насилия, брали взятки. Интересен в этой связи документ «Рапорт приказчика поимской вотчины Николая Попова в Санкт-Петербург графу Дмитрию Николаевичу Шереметеву», в котором сообщалось о том, что крестьяне села Поим Петр Иванов и Яков Матвеев Осокин избраны депутатами от поимского общества для поездки в Санкт-Петербург с просьбою к графу Д.Н. Шереметеву, где они намерены «ябедничать на приказчика». Интересно также и то, что «поимские делегаты» у графа были, жалобы их, по всей вероятности, были вескими, потому как вскоре последовала проверка состояния дел в вотчине. Для нее была разработана специальная инструкция ревизору по Поимской вотчине князю Максудову. Приказчик же Попов должен был объяснить «наветы крестьян» в домовую канцелярию. За неправильные действия и неправильное решение дел вотчиноначальники штрафовались, а иногда и подвергались телесному наказанию.

Вотчинные управляющие в Шереметевых землях были в основном из грамотных и предприимчивых людей, которые поощряли «добрых» крестьян вести торговую и промысловую деятельность. Эти крестьяне вследствие нивелирования и круговой поруки в платежах и повинностях крестьянской общины скапливали капиталы. Как писала Екатерина II «...русские крестьяне под рубищем нищеты нередко скрывали свое богатство».

С 1764 г. «капиталистическим» крестьянам разрешалось покупать мизинных крестьян (крестьян последней статьи). Эти же крестьяне нередко с разрешения вотчинной конторы торговали по доверенности знакомых купцов или тайно через их приказчиков в крупных городах России. Известны факты такой торговой деятельности Грачевым и Гарелиным в Москве и Санкт-Петербурге, крестьянин Сеземов занимался торговым откупом в южных землях страны. Б.П. Шереметев писал своим управляющим: «надеюсь, нам от торгов будет не без прибытку».

Шереметевы, по всей вероятности, толерантно относились к конфессионально-религиозной принадлежности своих крепостных крестьян, о чем свидетельствует наличие на их землях старообрядческих общин. По замечаниям историка Никольского, а также местных священников, в Шуйском уезде было много старообрядцев, в самом селе Иваново их было также множество. По свидетельству Ф. Ливанова село Иваново было «гнездом раскола».

Наибольшую известность из крестьян-старообрядцев в вотчине Шереметевых села Иваново имел Е. Грачев, который после освобождения из крепостной неволи был даже управляющим делами в старообрядческой Преображенской заставе в Москве. Рациональная ментальность этих крестьян способствовала накоплению ими больших капиталов и за счет этого они осуществляли выкуп из крепостного состояния. Так, семья Грачевых выкупилась за 135 тыс. р. серебром (1 р. 1795 г. равен 2,7 р. 1913 г.). Другие крестьяне-предприниматели выкупались за меньшую сумму. В начале XIX в. цена свободы «капиталистического» крестьянина (вместе с чадами и домочадцами) составляла в среднем 20 тыс. р. серебром. Всего из Шереметевской вотчины выкупились 50 семей.

Вотчины Шереметевых были тесно связаны с рынком центра России и южных ее земель. Крестьяне получали право вести откупные операции в различных губерниях страны (например, Никифор Сеземов в 70-е гг. XVIII в. вел такие дела на Белгородчине и обязывался выплачивать ежегодно подмосковной вотчине до 911 тыс. р.). Торговый промысел

осуществлялся как легально, так и нелегально. Это объяснялось тем, что таможенный Устав 1755 г. разрешал крестьянам вести только мелочную торговлю, но уже в конце XVIII и начале XIX в. по Указам от 1799 г., 1804 г., 1806 г. крестьянам разрешалось осуществлять и оптовую торговлю. В вотчинах Шереметевых, по данным Генерального межевания, было 16 ярмарок и 12 торгов. На территории вотчины, в селе Ивановово функционировала годовая ярмарка, существовали торги два раза в неделю (воскресенье и четверг), а число торговых лавок на торгах достигало до 180 единиц. В другой вотчине, селе Васильевском торги были еженедельные по средам, в Вошажниковской вотчине торги происходили по пятницам, торговали купцы из Ярославля и Ростова. В селе Алексеевке, также вотчине Шереметевых (Воронежской губернии) ярмарки устраивались два раза в год, а торги два раза в неделю, на них приезжали купцы из Курска, Харькова, Воронежа. На торгах, главным образом, обращались мелочные товары (изделия из льна: холсты и набойка; посуда и продукты питания). На ярмарках торговали товарами широкого потребления (ткани, скот, кожа, шубы, металлические изделия). В селе Павлове, вотчине Шереметевых торги были ежедневные: вели торговлю 54 лавки с железно-скобяными и москательными товарами, 22 щепетильных, 7 хлебных, 2 холщевых, 21 ветошных, 11 рукавишных, 12 калашных и пряничных лавок, 2 харчевни — всего более 200 лавок. Только от торгово-промышленной деятельности ивановских крепостных крестьян объявленного капитала в 1800 г. было на 441 тыс. р.

Кроме торговой деятельности в Шереметевских вотчинах широко развивались промышленные промыслы: суконный, шелковый, холщовый, производство льняных и ситцевых тканей для одежды, фламандское полотно и равендук, тканье салфеток, скатертей и полотенец. В ивановской вотчине Шереметевых наряду с холщовым промыслом получило развитие набоечное производство, и хотя вдове Черкасской после кончины фельд-маршала Шереметева было отказано в организации подобной мануфактуры «из-за неуверенности в качестве и сбыте этой продукции», предприимчивые крестьяне вопреки решению Ма-

нуфактур-коллегии достаточно широко развили этот промысел, торговые обороты от которого достигали в середине XVIII в. от 2 до 5 тыс. р.

Торгово-промысловая деятельность в селе Иванове особенно получила развитие с 1812 по 1823 г. После пожара в Москве в 1812 г., в результате которого сгорели все подмосковные текстильные мануфактуры, наступил «золотой век» набоечного производства, при котором на рубль затрат прибыль составляла 500%, набойщики без особого труда зарабатывали до 100 р. ассигнациями в месяц. Как писал местный наблюдатель «...завестись в это время фабрикой не требовалось большого капитала, стоило приобрести 2–3 горшка, чтобы было в чем варить краску, да купить на целковый материалу — и фабрика пошла в ход; миткаль был свой, его ткали в каждой избе. Таких фабрикантов звали горшечниками». Активизации этой деятельности со стороны крестьян Шереметевской вотчины способствовали также Положения о тарифе 1822 г., по которому запрещался ввоз в Россию текстильной продукции из-за границы. Высокую оценку этому документу и протекционизму со стороны правительства дал писатель Аксаков, который писал «...сотни тысяч рук пришли в движение, сотни фабрик выбрасывали ежедневно массу товаров на рынок».

В селе Павлове крестьяне специализировались на железоскобяном промысле. Во многих вотчинах Шереметевы поощряли винокурение (этот промысел был очень выгодным, кабаки брались в откуп, вино в них привозилось с южных земель). Не брезговали управляющие при согласии собственников этих вотчин и перекупкой товаров, об этом свидетельствует письмо самого фельдмаршала Б.П. Шереметева приказчику А. Тихонову из Молодотудской волости о скупке шкурки белки и рыси «ценою, что ниже московских цен, дорогою ценою покупать не подлежит: какая нам будет в том прибыль».

В Шереметевских вотчинах допускались процедуры использования труда купленных крепостными крестьянами-предпринимателями таких же крепостных крестьян. Так, «капиталистые» крестьяне Бутримов, Гарелин, Иван и Ефим Грачевы, Осип Соков и другие в конце XVIII в. при обустройстве в селе

49 фабрик и заводов использовали множество купленных крепостных крестьян. Так, если в 1784 г. купленных крепостных было 416 душ, то уже к 1794 г. их число возросло до 1200 душ. Общий объем продукции, производимый этими работниками, составлял 426 тыс. р. Только один Е. Грачев использовал на своих производствах 380 крепостных крестьян, которые впоследствии, после выкупа Грачевых на волю, сохранили свое крепостное положение в вотчинной конторе. Купленные крепостные крестьяне выполняли различные виды работ у «капиталистских» крестьян, их положение было тяжелым вследствие двойного подчинения, с одной стороны, вотчинной конторе надо было платить подати, с другой, они подчинялись крестьянину-предпринимателю. Нередко в ответ на жестокое обращение со стороны крестьян-предпринимателей крепостные крестьяне, работавшие у них, роптали и выдвигали угрозы. Известен факт, когда крепостные крестьяне грозились утопить в Ветлуге Никифора Сеземова.

Вотчинная контора взимала с «капиталистских» крестьян плату (ренту) за их предпринимательскую деятельность. Так, крестьянин Бутримов платил сначала натурой, затем в деньгах (180 р. в год); Грачев — по 3 р. 25 к. со стана в год, позднее за услуги в ссуде Шереметевым он стал платить 2,5 и 2 р. в год; Торопов — 1 200 р., затем 700 р.; Сеземов — 248 р. в год. С 1796 г. была введена единая норма 0,5% в год с капитала свыше 500 р.

В 1810 г. в 11 вотчинах Шереметева было 165 «капиталистских» крестьян. После выкупа из крепостного положения уже свободные крестьяне увеличивали свое производство. Так, к 1825 г. в селе Иваново функционировало 125 крупных ситцепечатных и бумаготкацких фабрик. На фабрике Грачевой было 900 станов и 103 набойных стола, у Ямановского около 1 тыс. станов и 110 набивных столов, у Гарелина 1 021 стан и 85 набивных столов. Работниками предприятий у новых собственников были уже не крепостные крестьяне, а жители Вознесенского посада. Среди этих наемных работников выделялись набойщики, которые, по замечаниям Владимирских губернских ведомостей, «были народом смышленным и грамотным, знали письмо», а вот

ткачи и шпульники характеризовались как «самые неопрятные и необразованные».

Заработная плата на фабриках ивановских «капиталистских» крестьян в прошлом, а после выкупа — свободных предпринимателей, была следующей: на рубеже XVIII–XIX вв. у Е. и Д. Грачевых ткачи и набойщики получали до 10 р. в месяц (1 пуд муки в то время стоил 66–99 к.). В середине XIX в. прядильщики и ткачи соответственно 20 и 7 р., колористы — от 83 до 416 р. серебром в месяц. По замечанию Гакстгаузена, денежная (номинальная) и реальная зарплата у русских текстильщиков была выше, нежели в Германии. Со второй половины XIX в. уровень зарплаты по отношению к ценам на продукты питания резко снизился (по наблюдениям Я. Гарелина).

Шереметевская вотчинная контора осуществляла и операции по имущественным сделкам крепостных (купля-продажа), причем в пользу графа поступал процент от стоимости купленного (проданного) имущества. В хозяйственных отношениях с крестьянами вотчинная контора развивала и такую форму, как аренду мельниц, которых насчитывалось около 40 единиц, причем предпочтение в аренде отдавалось прежним их владельцам.

Иногда Шереметевы брали займы у предприимчивых крестьян определенные суммы денег (в 1793 г. у Е. Грачева было взято в заем 10 тыс. р. на 4 месяца, а 1794 г. — 5 тыс. р. на 2 месяца). Но не было случая возврата этих сумм денег. Были случаи, когда крестьяне отказывали Шереметевым по тем или иным причинам. Известен факт, когда крестьянин Сиземов не только отказал графу в сумме 10 тыс. р., но в ответ на угрозу графа провел операцию через банкирскую контору Тамеса о получении последней векселя с графа на эту сумму.

Шереметевская вотчинная контора определяла виды и сбор повинностей с крестьян. В традиционном для того времени вотчинном хозяйстве широко были представлены повинности отработочного (барщина) и натурального (оброк) типа. Однако уровень использования каждой из этих повинностей был различным. Первоначально, как свидетельствуют документы времен Бориса Петровича Шереметева (список доходов с вот-

чины), основой хозяйственных отношений была барщина (из 19 вотчин 14 были на барщине) — обработка поля в 2 тыс. дес. (более 2 тыс. га), посев поля, уборка зерновых. Кроме того, крестьяне должны были отдавать продукт натурой.

Оброчная повинность имела некоторую специализацию: крестьяне сел Можары и Алексеевского Расторга должны были доставлять 1345 ведер вина; крестьяне сел Богородское, Чирково, Горбуново — орехи и грибы; крестьяне из Горбунова — дрова; крестьяне из сел Константиновское и Островец платили денежный оброк (1073 р.); Молодотудская волость доставляла 900 баранов, 2 тыс. белок, 5 тыс. плах дров. И только 5 вотчин были на чистом денежном оброке, они платили в год 8 761 р.

В XVIII в. с каждой ревизской души денежный оброк составлял 1–2 р., в селе Иванове платили 3 р., с 1796 г. оброчная плата возросла до 8 р. 35 к. с души, оброк с тягла платили 15 р. В 1798 г. крестьяне всех Шереметевских вотчин уплатили в качестве оброка 413 237 р. (в переводе на рубль 1913 г. это равнялось сумме 1 136 461 р.). Незрелость товарно-денежных отношений, завоз в страну серебра, серебряных денег для их перечековки — все это свидетельствовало в пользу развития отработки и натурального оброка. На сельскохозяйственных работах при барщине широко использовался коллективный наряд, «...ибо, чем скорее крестьяне уберут казенное, тем удобнее могут приняться за свои покосы и не могут упустить ни моей, ни собственной пользы», писал Б.П. Шереметев. На полях Шереметевской вотчины широко использовались агротехнические приемы (подпашка осенью, кошение зерновых «выше от земли», внесение органики в почву), велись журналы о посеве, уборке, молотье, количестве работников, зерновая рига обустроивалась на каменной основе, посевное зерно менялось каждые 3 года, трехполье заменялось на многополье.

Наряду с барщинно-оброчной повинностью (окладные сборы) в вотчинах имели место и неокладные сборы — сборы с мельниц, со свадеб, штрафы, пошлины с челобитчиков. «Капиталистским» крестьянам вменялась уплата вотчине оброка за недоимки односельчан по 75–87 р. ассигнациями в год,

это зачастую приводило к закабалению последних для работы на фабриках.

Крестьяне в вотчинах выполняли и государственные повинности: платили подушную подать (74 к. с души), доставляли провиант и фураж в армию, выставляли рекрутов и за мундир платили (1–2 р.), выделяли мастеровых людей на строительство домов «на реке Неве в Петербурге» и на строительство мостов и улиц в Москве.

В XIX в. в вотчинах в повинностях стал падать удельный вес барщины (так, по данным Генерального межевания конца XVIII в. из 190 населенных владений Шереметевых в 128 были оброчные отношения, барщина сохранялась в 62 поселениях, так, из 24 вотчин во Владимирской губернии на барщине оставались лишь только 4). Барщина сохранялась только в черноземных землях и в мызах под Санкт-Петербургом. Оброк в XIX в. постепенно переходил от натуральной формы к денежной. В Шереметевских вотчинах оброк с тягла составлял 45 р., а с ревизской души 4–6 р. (данные по Ивановской вотчине).

На протяжении всей истории рода Шереметевых наряду с собиранием земель и крестьян осмысливалась также проблема улучшения положения крестьян. Так, в 1767 г. П.Б. Шереметев принял активное участие в составлении проекта нового уложения, по которому должно было бы облегчаться положение крестьян. Он изъявил полную готовность освободить крестьян от крепостной зависимости. Такого радикализма не ожидала даже Екатерина II, которая под давлением других членов комиссии по составлению проекта о крестьянах, вынуждена была не просто отказаться от вольнодумства некоторых членов комиссии, но и «дать отставку графу Шереметеву П.Б. вечно от службы военной и гражданской». В 1861 г. Д.Н. Шереметев приблизил дело своего деда, касавшегося судьбы крестьян. В Останкинском дворце (Фонтанном доме Шереметевых) был подписан 19 февраля Манифест об освобождении крестьян. Сам Д.Н. Шереметев был последним владельцем села Иванова, в котором задолго до Великой реформы разрешал крестьянам выкупаться на волю.

Список использованной литературы

1. Барышников М. История делового мира России / М. Барышников. — М. : Аспект Пресс, 1994 — 224 с.
2. Берлин П. Русская буржуазия в старое и новое время / П. Берлин — М. : Книга, 1922. — 308 с.
3. Гарелин Г. О начале и возрождении промышленного села Иванова в XVI–XVIII столетиях // Владимирские губернские ведомости. — 1878. — № 30.
4. Город Иваново-Вознесенск, или Бывшее село Иваново и Вознесенский Посад (Владимирской губернии) : в 2 ч. / сост. Я. Гарелин. — Шуя : Лито-тип. Я. И. Борисоглебского, 1884. — Ч. 1 : С XVII столетия до 19 февраля 1861 года. — 225 с. ; 1885. — Ч. 2 : С 19 февраля 1861 года по 1 января 1884 года. — 140 с.
5. Кашин В.Н. Крепостные крестьяне-землевладельцы накануне реформы. — М.: Изд-во АН СССР, 1935. — 116 с.
6. Никольский Н. История русской церкви / Н. Никольский — Минск : Беларусь, 1990. — 540 с.
7. Ливанов Ф. В. Острожники и раскольники: Очерки и рассказы : в 3 т. / Ф. В. Ливанов. — СПб. : Тип. М. Хана, 1872. — Т. 2. — 629 с.
8. Нефедов Ф. Повести и рассказы / Ф. Нефедов — М. ; Иваново, 1937. — Т. 1.
9. Павленко Н. Птенцы гнезда Петрова / Н. Павленко. — М. : Мысль, 1994 — 397 с.
10. Степанов А. Крестьяне-фабриканты Грачевы : К характеристике крепостных капиталистов 2-ой пол. XVIII — начала XIX в. / А. Степанов // Записки историко-бытового отдела Государственного русского музея. — Л. : Изд-во Рус. музея, 1928. — Т. 1. — С. 213–252.
11. Статистическое обозрение состояния Владимирской губернии в 1817 году // Владимирский историко-статистический сборник. — Владимир: Губ. стат. ком., 1869. — С. 16–17.
12. Семевский В. И. Крепостные крепостных крестьян в России в XVIII в. / В. И. Семевский // Русская мысль. — 1902. — Кн. 7. — С. 55–87.
13. Шепетов К. Крепостное право в вотчинах Шереметевых (1708–1885) / К. Шепетов ; под ред. Г. И. Полосина. — М. : Изд. Останкин. Дворца-музея, 1947. — 378 с.
14. Шепетов К.Н. Из жизни крепостных крестьян России XVIII–XIX веков : По материалам шереметевских вотчин / К. Н. Шепетов. — М. : Учпедгиз, 1963. — 100 с.
15. Экземплярский П. М. История города Иванова / П. М. Экземплярский. — Иваново : Ивановское кн. изд-во, 1958. — Ч. 1 : Дооктябрьский период. — 395 с.
16. Экземплярский П. М. Село Иваново в начале XIX столетия // Труды Иваново-Вознесенского губернского научного общества краеведения. — Иваново-Вознесенск, 1925. — Вып. 3.

Информация об авторе

Столбов Вячеслав Павлович — кандидат экономических наук, профессор, кафедра социальных и экономических теорий, Ивановский государственный химико-технологический университет, 153000, г. Иваново, пр-т Ф. Энгельса, 7, e-mail: stolbov@isuct.ru.

Author

Stolbov Vyacheslav Pavlovich — PhD in Economics, Professor, Department of Social and Economic Theories, Ivanovo State Chemical and Technological University, 7, F. Engels avenue, Ivanovo, 153000, e-mail: stolbov@isuct.ru.